

ОТ АВТОРА

Эту книгу лирики я писал всю жизнь — в юности, в зрелую пору. И в годы, когда работал в Израиле, где близость к библейской истории и сопричастность с ней помогали увидеть мир по-новому и глубже познать человеческую незащищенность. Там, на Земле обетованной казалось, что поэзия приходит откуда-то сверху, с небес, зажигая в душе святой огонь творчества. И до сих пор я не могу объяснить это. Так же, как невозможно вообще объяснить вдохновение, хотя я прекрасно понимаю его природу. Просто всё начинается с хорошего настроения. То ли от приятной встречи с кем-то, то ли от солнечной погоды с утра. И тогда возникают стихи. Светлые, как и породившая их радость... Но порою душа полна печали и тревоги, заносимых в нее самой жизнью... И тогда пишутся совсем иные строки.

И почему-то этих «иных» у меня значительно больше, чем светлых.

Много лет назад я услышал по радио короткий рассказ о том, как одинокая женщина, измученная долгим ожиданием пропавшего без вести сына, увидела его в кадрах военной кинохроники. Живого, двадцатилетнего, каким провожала на фронт. Меня потрясла эта трагическая история. Я написал «Балладу о матери», которая благодаря музыке Евгения Мартынова стала известной песней. У нее есть и другое название — «Алексей, Алешенька». И как-то из далекого Ташкента пришло письмо от незнакомой женщины, которая писала мне, что нашелся ее сын. «Алешенька не пропал без вести, а геройски погиб в конце войны и похоронен в Венгрии», — горестно писала она. Но я уже знал тогда, что это был другой Алексей. Мать «моего» Алеши, о ком была написана «Баллада», так и не дождалась вести о сыне и умерла в одиночестве. Однако я не смог признаться в этом ташкентской матери... Ведь судьбы солдат Великой Отечественной были так похожи.

Да и все мы — дети XX века — тоже очень схожи между собой. И прежде всего, желанием быть счастливыми. Непременно необходимыми

кому-то: любимому человеку, стране, избранной профессии. Но когда в дом приходит беда, когда душа болит от обиды или невозвратной потери, мы становимся добрее и милосерднее. Потому что страдание очищает человека... И об этом тоже мои стихи.

Слава Богу, в наше непростое и прозаическое время, исковерканное рыночными отношениями, лирическая поэзия вновь востребована жизнью. На книжных полках уже не теряются среди модных детективов поэтические антологии, избранные произведения классиков и новые сборники моих товарищей по цеху. А ведь одно время зеленые островки поэзии чуть было не захлестнула мутная волна книжной жестокости и бесстыдства, бездумное чтиво, замешанное на мелких инстинктах и сиюминутных интересах. Но слишком жива и памятна в народе классика, навсегда приучившая нас к прекрасному. И потому всё подлинное не может разминуться с нами и теперь.

На этом, пожалуй, и закончу свое короткое предисловие. Потому что о стихах говорить трудно. Тем более автору. Лучше просто прочесть и почувствовать то общее, что может объединить поэта и читателя. Или наоборот — разъединить. Хотя я очень надеюсь, что мы единомышленни-

ки. Ибо красота родных пейзажей, житейская мудрость моих современников, вечная окрыленность любовью — всё это составляет суть и ценность нашего общего бытия.

Я часто посвящаю стихи друзьям, которых люблю. Близким людям, без кого моя жизнь была бы неполной и, наверно, иной. Это — как доброе слово, которое хочется сказать вовремя. И поэзия для меня — это прежде всего то самое доброе слово, обращенное ко всем вам, дорогие читатели.

Андрей Дементьев
Июнь 2003 г.

* * *

Не могу уйти из прошлого,
Разорвать живую нить...
Всё, что было там хорошего,
Мне б хотелось повторить:

Возвратить отца бы с матерью,
Вместе с молодостью их,
В дом,
Где стол с крахмальной скатертью
Собирал друзей моих.

И вернуть бы из трагедии
Сына в радостные дни,
Где мы с ним футболом бредили,
Жгли бенгальские огни.

Где дожди сменяли радуги
И года сквозь нас неслись.
Где на счастье звёзды падали...
Да приметы не сбылись.

2001

АННА

Прости, что я в тебя влюблен
Уже под занавес, в финал...
Всю жизнь блуждая меж имен,
Я на твое их поменял.

Я выбрал имя неспроста —
Оно из Пушкинских времен,
Из грустной музыки, с холста
И с чудодейственных икон...

Но полон тайн открытый звук...
Хочу понять — что он таит?
То ли предчувствие разлук,
То ль эхо будущих обид.

И, чтоб развеять этот страх,
Я повторяю имя вслух...
И слышу свет в твоих глазах
Так, что захватывает дух.

1998

СЧАСТЛИВЧИК

Я выиграть надеюсь
Престижный миллион,
Чтоб у дверей халдеи
Мне стали бить поклон.

Чтоб все меня любили
За то, что я богат.
И в гости приходили,
Как танки на парад.

Чтобы по всей округе
Гремело имя-рек.
Чтоб брал я на поруки
Голодных и калек.

Чтоб важное начальство
Ждало моих звонков.
И на экране часто
Теснил я м-ков.

А, впрочем, нет резона
Мне думать про барыш.
Я жил без миллиона,
Без киллеров и «крыш».

И он все эти годы
Жил тоже без меня.
И ухожу я гордо,
Монетами звеня.

2003

* * *

Как важно вовремя успеть
Сказать кому-то слово доброе,
Чтоб от волненья сердце дрогнуло! —
Ведь всё порушить может смерть.

Как важно вовремя успеть
Похлопотать или поздравить,
Плечо надежное подставить!
И знать, что будет так и впредь.

Но забываем мы подчас
Исполнить чью-то просьбу вовремя,
Не замечая, как обида кровная
Незримо отчуждает нас.

И запоздалая вина
Потом терзает наши души.
Всего-то надо — научиться слушать
Того, чья жизнь обнажена.

2001

* * *

С тех горючих дней «Норд Оста»
Не стихает в сердце боль.
До чего же было просто
Завязать с Москвою бой.

До чего же просто было
По свободному пути,
Обернув себя тротилом,
Прямо к сцене подойти.

Обандитился наш город...
И теперь любой хилак,
Что с утра уже наколот,
Может всех перестрелять.

А менты на перехвате
Вновь очнутся в дураках...
Скоро нам страны не хватит
Уместить свой гнев и страх.

И тревожно время мчится,
Словно горькая молва.
Хороша у нас столица —
Криминальная Москва.

2003

